

✓
АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА

На правах рукописи

ДЕМИДОВ Александр Борисович

ПРОГРЕССИЯ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТИ
И ГЕНЕЗИС КОММУНИКАТИВНЫХ СРЕДСТВ

09.00.01. - диалектика и теория познания

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Минск - 1994

Работа выполнена в Институте философии и права Академии наук Республики Беларусь.

Научный руководитель - доктор философских наук
В.К. Лукашевич

Официальные оппоненты: доктор философских наук,
профессор М.А. Слемнев

доктор философских наук
Я.С. Яскевич

Ведущая организация - Национальный институт гуманитарных наук при Белгосуниверситете.

Защита состоится " 24 " мая 1994 года в _____ часов на заседании специализированного совета Д 006.06.01 по адресу: 220600, г. Минск, ул. Сурганова, 1, корп. 2, комн. 810.

С диссертацией можно ознакомиться в Центральной научной библиотеке им. Якуба Колоса.

Автореферат разослан " _____ " _____ 1994 года.

Ученый секретарь
специализированного совета

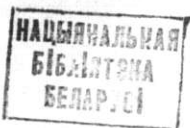
Т.А. Городович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Предлагаемая работа об интенциональности и генезисе коммуникативных средств нацелена, ближайшим образом, на проблему значения и смысла. На протяжении XX столетия эта проблема привлекала все большее внимание не только философов, но и представителей самых разных научных дисциплин (прежде всего "точных наук" - математики, логики, физики, затем лингвистики, кибернетики и др.). Нараставший исследовательский бум не только не исчерпал проблему значения, но, напротив, явственнее обозначил знание незнания.

Причин обостряющегося внимания к проблеме значения (смысла) можно указать множество, само их рассмотрение могло бы стать темой отдельного исследования. Отметим некоторые из них. Во-первых, наиболее очевидные - гносеологические. Начиная со второй половины XIX века, когда наука, стремясь к математической точности выражений, почувствовала, что становится вместе с тем на зыбкую почву языковых абстракций, ученых все более стали одолевать сомнения насчет того, является ли познание отображением реальных объектов или же только безысходно замкнутым в сфере субъективности конструированием и "набрасыванием смыслов", "языковыми играми", конвенциями. Эти сомнения, получившие еще раньше выражение в философии И.Канта, для ученого могут принимать вид не какой-то побочной или чисто умозрительной проблемы, а фундаментального смысложизненного вопроса о статусе познавательной деятельности вообще.

Во-вторых, начали действовать причины другого рода, которые можно назвать аксиологическими. Радикальные сдвиги, происшедшие в жизнедеятельности людей в условиях индустриальных и постиндустриальных обществ, повлекшие ослабление веры в метафизические абсолюты, размывание ценностных ориентиров, "переоценку всех ценностей", поставили философов и вообще деятелей духовной культуры перед задачей осмысления и отыскания основополагающих ценностей. Прежде ценностные ориентиры "естественным" образом задавались преданиями,

мифологией, религиями, затем - политическими вождями и партиями. По мере утраты традиционных ценностных опор, "обезбожения" мира актуализируются искания смысла бытия и стремление понять природу человека как существа осмысливающего и оценивающего.

В-третьих, с середины XX века появились и все более усиливаются причины, так сказать, утилитарные. Появление информационной техники и технологии, их стремительное развитие и "вширь", и "вглубь" немедленно перевели проблему мышления (и "смысла") из области умозрительной в практическую. Задача технического моделирования мыслительных процессов предъявила новый счет к концептуальным моделям, потребовались теоретические конструкции, допускающие их практическую реализацию. "Скажите нам точно, что такое мышление, и мы его сыстренько смоделируем", - иронизировали энтузиасты наступающей эры информатики. Особенно насущна проблема значения и смысла для разработки систем "искусственного интеллекта" ("распознавание образов", эвристические программы, диалоговые системы, машинный перевод и т.п.). Исходя из мнения, что сегодня происходит трансформация обществ индустриальных в постиндустриальные, для которых важнейшим элементом их "материальной базы" является информационная техника, можно полагать, что "штурм значения" (Р.Г. Пиотровский), подгоняемый настоятельными практическими нуждами, и далее будет идти по нарастающей.

В широкий, труднообозримый спектр причин, актуализирующих проблему значения (смысла), входят также проблемы, с которыми сталкиваются лингвистика, психология, историческая наука, социология, культурология, этология и т.д. Все это свидетельствует о необходимости развивать исследования природы значения и смысла, искать подходы, обеспечивающие продвижение на этом пути.

Степень исследованности темы. Круг работ, соприкасающихся с темой значения и смысла, довольно широк. В отечественной литературе проблема значения чаще всего рассматривается в связи с философскими вопросами естествознания, антропосоциогенеза, гносеологическими проблемами. Этот аспект исследуется в работах Бондаренко Л.И., Будагова Р.А., Ветрова А.А.,

Выготского Л.С., Гриб В.В., Ерахтина А.В., Жоля К.К., Кривоносова А.Т., Легостаевой О.В., Леонтьева А.А., Лосева А.Ф., Мантагова В.В., Панфилова В.З., Пивоварова Д.В., Полторацкого А.Ф., Резникова Л.О., Рубинштейна С.Л., Серебrenникова Б.А., Шырева В.С., Шпета Г.Г. и др. В собственно лингвистических исследованиях, перемежающихся в данном случае с философской проблематикой, рассматриваются лексическое значение слова в семантическом, прагматическом, синтаксическом аспектах (работы Березина Ф.М., Головина Б.Н., Звезгинцева В.А., Канцельсона С.Д., Колдухова В.И., Колчанского Г.В., Кошевой И.Г., Никитина М.В., Руденко Д.И., Степанова Ю.С., Стернина И.А., Уфимцевой А.А. и др.). В исследованиях по поводу соотношения между значением и знаком недостаточно проясненным остается вопрос о способе существования значения. Перспективный, далеко не исчерпанный подход к проблеме значения связан с концепцией интенциональности, зародившейся в русле феноменолого-экзистенциалистской традиции, подвученной также некоторыми представителями "философии языка", получившей своеобразную разработку и в русскоязычных философских, психологических, лингвистических исследованиях. Концепция интенциональности, которая в настоящей работе играет ключевую роль, пока довольно слабо отображена в отечественной литературе и почти не используется как средство объяснения феноменов значения. В самом общем плане под интенциональностью понимается *направленность* психики на нечто, ее *предметность*. В понятии интенциональности Э.Гуссерль фиксировал смысловой аспект восприятия (например, восприятие дерева именно как дерева). Опыт феноменологического направления в свое время применяли А.Ф.Лосев, Г.Г.Шпет, однако дальнейшего развития в отечественной философии он почти не получил. Исследования интенциональности в работах Ф.Бректано, Э.Гуссерля, М.Хайдеггера, Ж.-П.Сартра, все еще малодоступные у нас, опирались на методы феноменологической редукции, интуитивного усмотрения и описания, однако, в силу специфики этих познавательных приемов сами понятия интенции, интенциональности едва поддаются рациональному истолкованию. В виду этого обстоятельства, в настоящей работе делается

попытка подойти к феномену интенциональности не путем редукции, а методом реконструкции, чтобы рассмотреть интенциональность как бы с "обратной стороны". Отчасти генетический подход уже использовал Дж.Р.Серл, рассмотрев интенциональность животных и младенцев как предюсылку человеческой интенциональности. Мы намерены начать теоретическое восхождение к человеческим формам интенциональности с еще более отдаленной точки отсчета - с рассмотрения живого существа, не обладающего интенциональностью.

Перспективным представляется соотнесение вопроса о становлении человеческой интенциональности с исследованиями филогенеза психики в живой природе. Важными с этой точки зрения являются теоретические работы П.К.Анохина, В.К.Вилюнаса, П.Я.Гальперина, А.Н.Леонтьева, многочисленные эмпирические исследования и обобщения, представленные в работах Д.Дьюбери, А.В.Котова, Л.В.Крушинского, К.В.Судакова, Н.Тинбергена, К.Э.Фабри, Р.Хайнда, Г.Ф.Хрустова и др.

Широко представлены в литературе исследования орудийной деятельности животных и человека, позволяющие конкретнее уяснить специфику формирования человеческой интенциональности. Однако недостаточно ясны детерминанты ("внутренние" и "внешние") становления орудийной деятельности животных и факторы, обусловившие переход к изготовлению орудий посредством орудий, т.е. те обстоятельства, которым, очевидно, принадлежит важная роль в формировании специфически человеческой интенциональности.

Положение об определяющей роли труда в становлении человеческого сознания является в исследованиях диалектико-материалистической ориентации почти общепризнанным (в числе редких исключений, например, - концепция Б.Ф.Поршнева), тем не менее "механизм" детерминации генезиса человеческого мышления и языка предметно-опосредованной деятельностью в имеющихся работах представлен довольно общо и нуждается в более детальном исследовании.

Думается, в философских работах еще не нашли достаточного отражения результаты эмпирических исследований формирования коммуникативной активности животных, полученные

этологами и зоопсихологами. Эти результаты могут поколебать расхожие стереотипы об "инстинктивности" коммуникации животных и вместе с тем повлиять на представления о природе человеческой коммуникации.

Становление языковых средств коммуникации - одна из древнейших тем в философии и науке. Несмотря на традиционность этой темы и наличие множества посвященных ей публикаций, в ней имеется немало нерешенных проблем, среди которых особое внимание в настоящей работе уделяется вопросам о первичных номинациях и матричных формах для них, о детерминации генезиса системных свойств языка, о способе существования языковых значений.

Цель и задачи исследования. Главная цель работы - теоретическое рассмотрение вопроса о становлении феномена знаковости материальных предметов (вещей и актов); т.е. вопроса о том, каким образом возникает необходимость выражения интенциональности и вырабатываются способы ее выражения.

Сообразно этой цели определены следующие исследовательские задачи:

опираясь на анализ условий существования интенциональности, определить критерии ее существования, условия становления, структуру интенции и таким образом выработать рабочую модель феномена интенциональности, средства ее описания, адекватные цели настоящего исследования;

проследить диалектику становления видов интенциональности от исходной, основной формы к интенциям, сопряженным с орудийной деятельностью и коммуникативной активностью, - с тем, чтобы выявить цепь опосредований, обусловившую возможность и необходимость генезиса специфически человеческой интенциональности и предпосылки возникновения коммуникативной активности;

выявить факторы, обуславливающие необходимость коммуникации у интенциональных существ, и матричные формы, детерминирующие формы знаков различных типов, рассмотреть способы выработки знаковых средств у животных и людей;

проанализировать своеобразие языковых знаковых средств

по сравнению с языковыми и попытаться определить, почему вид homo sapiens, в отличие от других видов существ, тоже способных к знаковой коммуникации, оказался способным (или поставленным перед необходимостью) к выработке языковых знаковых средств;

рассмотреть характер соотношения означаемого (интенции) и означающего (знака), обратную связь и влияние знаковых средств на человеческую интенциональность.

Теоретическая и методологическая база исследования. В процессе разработки концепции автор обращался к классическому наследию философской мысли, историко-философским исследованиям, исходя из того, что проблема сознания пронизывает всю историю философии. На выработку авторской позиции по философским проблемам сознания, языка, знака оказали влияние работы таких отечественных и зарубежных авторов, как Л. Витгенштейн, Х.-Г. Гадамер, Э. Гуссерль, Д. И. Дубровский, Н. И. Жуков, Вяч. Вс. Иванов, Э. В. Ильишков, Э. Г. Классен, А. А. Леонтьев, А. Ф. Лосев, М. К. Мамардашвили, А. А. Михайлов, Ф. Т. Михайлов, П. Д. Пивоваров, Ж.-П. Сартр, Дж. Р. Серл, Г. Фреге, М. Хайдеггер и др. Особо важным импульсом на начальных стадиях работы послужила концепция идеального Э. В. Ильенкова и идеи К. Маркса и Ф. Энгельса о роли труда в антропосоциогенезе. Базисное понятие интенциональности формировалось под влиянием работ Ф. Брендано, Э. Гуссерля, Дж. Р. Серла, а также идей отечественной психологии, восходящих к работам А. Ф. Лазурского, В. Н. Мясничева, М. Я. Басова.

Комплексность задач, сформулированных в настоящей работе, обусловила необходимость обращаться к результатам ряда научных дисциплин. Автор опирался на исследования в области психологии (Н. А. Бернштейн, В. К. Вилнас, Л. С. Выготский, П. Я. Гальперин, А. В. Запорожец, А. Н. Леонтьев, М. И. Лисина, Б. Ф. Ломов, А. Р. Лурия, А. И. Мещеряков, С. Л. Рубинштейн, П. В. Симонов и др.), теории распознавания образов (М. М. Власова, М. Г. Гаазе-Раппопорт, В. Д. Глезер, Р. Л. Грегори, В. П. Зинченко, Д. А. Поспелов, А. Фор, М. С. Шехтер), зоопсихологии и этологии (Р. А. Гарднер, Б. Т. Гарднер, Д. Дьюсбери, К. Лоренц, А. И. Константинов, Л. В. Крушинский, В. Н. Мовчан, Н. Тинберген, К. Э. Фаб-

ри, Р. Хайнд, Г. Ф. Хрустов), *языковедения* (Ф. М. Березин, Р. А. Будагов, В. Н. Головин, Вяч. Вс. Иванов, В. И. Кодухов, Г. В. Колшанский, М. В. Никитин, В. З. Панфилов, Б. А. Серебрянников, Ю. С. Степанов, А. А. Уфимцева и др.) Автор старался учесть опыт многочисленных исследований по проблеме происхождения языка, опираясь, в первую очередь, на обстоятельные обзоры концепций глуттогенеза, представленные в работах О. А. Донских и Б. В. Якушина.

Основной способ построения работы можно, видимо, назвать генетически-конструктивным методом. Суть его в том, чтобы теоретически смоделировать процесс генезиса исследуемых феноменов. Применяемый здесь подход предполагает не только "чисто логическое" восхождение, побуждаемое выявлением противоречивости и недостаточности рассматриваемых ступеней генезиса, но и выходы за рамки умозрительного следования - к эмпирии - с целью выяснения, каким образом "сама действительность" разрешала выявляемые противоречия.

Научная новизна диссертации. Основной новизной работы является попытка исследовать интенциональность в ее становлении (в отличие от гуссерлевского метода феноменологической редукции). Вводится понятие "в-себе-недостаточности" живого организма, которая рассматривается как основа формирования интенциональности у некоторых видов живых существ. По-новому представляется структура интенции - как единство "посыла" и "параформы". Предложен критерий для идентификации интенциональных существ, каковым может выступать определенная последовательность доступных наблюдению актов и состояний организма.

Рассмотрена диалектика становления видов интенциональности, посредством которой усматривается необходимость переходов от исходного вида (полагания) к видам с более сложной структурой, формирование которых опосредовано уже выработанными интенциями. Теоретическое восхождение от простых интенций к более сложным является вместе с тем опытом классификации видов интенциональности, не претендующей, впрочем, на полноту и подчиненной целям настоящего исследования.

С точки зрения прогрессии интенциональности (слово "прогрессия" в данном случае представляется более адекватным, чем "градация", "развитие" или "эволюция") предпринята теоретическая реконструкция перехода от простой орудийной деятельности (свойственной и животным) к деятельности посредством изготавливаемых орудий; выявлены условия возникновения интенции выражения, которая, в свою очередь, обуславливает коммуникативную активность и генезис коммуникативных средств.

Рассмотрена детерминация становления системности языка (обычно системность изучается как уже ставшая). Показано, что предметно-опосредованная деятельность, имеющая системный характер, (т.е. ее элементы - средства деятельности и отдельные действия - взаимосогласованы между собой и подчинены цели как системообразующему фактору), детерминирует формирование системных свойств и средств языка, призванного обеспечить такую деятельность.

По-новому по сравнению с существующими точками зрения представлено соотношение и взаимовлияние жестового и вербального языков в процессе их становления: их формирование должно было происходить не последовательно (один раньше, а другой - на его основе - позже), а параллельно - на основе общей для них "субстанции" (предметно-опосредованной деятельности). Формулируется принцип "знакового оппортунизма", выражающий равноправность знаковых средств различных типов и применимость их сообразно удобству в конкретной ситуации.

Впервые использована философская модель "спекуляции" (отношение взаимоотражения и усмотрения одного через другое) для исследования соотношения между означаемым и означающим (интенцией и знаком).

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Присущая живым организмам в-себе-недостаточность обуславливает необходимость специальных средств различения потребного. Интенциональность - один из "механизмов" идентификации потребного, присущий сложноорганизованным видам живых существ. Основа интенции - переживание в-себе-недостаточности (посыл); способ, каким удается выявить потребное и снять посыл, становится параформой потребного. Единство

посыла и параформы конституирует интенцию.

2. Соотношение между видами интенциональности может быть представлено как прогрессия: одни виды надстраиваются над другими, включая их в себя как "снятые", и могут становиться основой для иных интенций.

3. Вербальный человеческий язык не является ни изначальным, ни единственным знаковым средством. Интенция к выражению своих интенций и использование знаков свойственны уже животным, у которых наблюдается взаимная произвольно согласованная активность.

4. Ограниченность арсенала знаков у животных обусловлена, по меньшей мере, пределами развития их предметной деятельности. Человеческая деятельность, преодолевая природную ограниченность вида homo sapiens благодаря изготовлению орудий посредством орудий, втягивает в сферу человеческих потребностей и интересов всё новые природные силы и вещи, обуславливая потребность в соответствующих знаковых средствах.

5. Формирование языка предполагает образование "системных средств" языка, обеспечивающих соотношение "имен". Для языка системообразующим фактором является предметно-опосредованная деятельность людей, сама имеющая системный характер. Специфику языка, отличающую его от всех прочих знаковых средств, мы видим в наличии у него атрибутов номинативности и системности; этими атрибутами обладают вербальные и жестовые языки.

6. Жестовый язык не является, как полагают некоторые исследователи, ступенькой, предшествовавшей образованию вербального языка: и та и другая языковые системы начали формироваться одновременно со становлением предметно-опосредованной деятельности людей. Знаковые средства различных типов используются людьмисообразно ситуативному удобству их применения (принцип "знакового оппортунизма").

7. Язык существенным образом определяет формирование и артикуляцию человеческой интенциональности, однако не является первичной и исключительной опорой для способности понимания: прежде чем человеческий индивид обретет понимание

посредством языка (в горизонте языка), он должен научиться понимать самов язык; основой понимания (обретения) языка является интенциональность, которая еще в довербальном периоде существования индивида начинает формироваться в его опосредованной деятельности.

Научно-практическая значимость исследования. Используемый в работе генетический подход к исследованию интенциональности позволяет существенно переосмыслить и дополнить представления об интенциональных феноменах, о природе и способах существования значения (смысла). Теоретически плодотворным представляется предпринятый в диссертации опыт применения философского учения об интенциональности к проблемам антропо- и культурогенеза, становления коммуникативной активности и знаковых средств.

Автор предполагает, что полученные результаты способствуют философскому осмыслению некоторых проблем *психологии* (критерии и способ существования психики), *этимологии* и *зоопсихологии* (соотношение приобретенного и генетически предопределенного в поведении; коммуникативная активность животных), *кибернетики* (распознавание образов), *лингвистики* (соотношение означаемого и означающего) и несут конструктивный потенциал для теоретических разработок в данных направлениях.

Некоторые результаты исследования применимы при чтении лекций по соответствующим разделам курса философии ("сознание", "антропогенез") и в спецкурсах для студентов вузов.

Апробация работы. Результаты диссертационного исследования апробированы в сообщениях на научных конференциях "Актуальные проблемы совершенствования межнациональных отношений" (Могилев, 1990), "Философия. Язык. Культура" (Минск, 1991), "Гуманитаризация высшего и среднего специального образования" (Горки, 1993), "Гуманитаризация образования: современная концепция и практика" (Минск, 1993), на I ежегодном собрании Белорусского философского общества (Минск, 1993).

Диссертация обсуждалась на кафедре философии Витебского пединститута, в отделе логики и методологии научного познания

Института философии и права АН Беларуси.

Разрабатываемые в диссертации идеи легли в основу семи публикаций общим объемом 2,5 печ. листа.

Результаты исследования автор использует при чтении лекций по курсу "Философия" для студентов пединститута и в разработанном им спецкурсе "Герменевтика".

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы. В заключение каждого параграфа дается резюме. Объем текстовой части диссертации - 143 страницы, список литературы - 21 страница.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В первой главе "Интенциональность: идентификация, истоки, морфогенез" формулируются базисные понятия исследования. Рассмотрено содержание терминов "интенция", "интенциональность" - как они употреблялись в средневековой философии, затем в трудах Ф.Бреннано, Э.Гуссерля, Дж.Р.Серла. В диссертации под интенциональностью понимается направленность психики живого организма на нечто. Интенция идеальна, причем характеризуется как интроспективно данная идеальность. Интенциональное не тождественно психическому и является одним из возможных компонентов психического. Структура интенции конституируется единством посыла и параформы.

По мнению автора, интенциональность имеет своим основанием *в-себе-недостаточность* живых организмов. В-себе-недостаточность предполагает обращение организма к внешней среде и различение в ней потребного. Процесс различения потребного основывается на открытости организма и репрезентированности внешнего предмета в структурах организма. Не все виды открытости и репрезентированности образуют феномен интенциональности; интенция конституируется интенциональным видом открытости организма (посылом) и рецепторной, изоморфной или значимостной репрезентацией (параформой) предмета. Существование посыла предшествует возникновению параформы интенции и обуславливает ее формирование.

Исследуя возможности идентификации носителей интен-

циональности, автор (вслед за П.Я.Гальпериным) высказывает мнение, что от прочих объектов носители интенциональности отличаются проявлениями целестремительности. Целестремительность обнаруживает себя как способность организма вырабатывать новые, "незапрограммированные" способы действия ради достижения цели. Автор полагает, что критерием новизны способов действия является последовательность доступных наблюдению актов и состояний организма, включающая в себя фазы а) прекращения стереотипного действия, б) возникновения беспокойства и хаотической активности, в) кристаллизации адекватного способа действия. Эти признаки могут служить для идентификации носителя интенциональности и вместе с тем указывают на способ формирования репрезентативного содержания интенций.

Виды интенциональности могут быть представлены как *прогрессия*, в которой каждый вид надстраивается над предыдущим, включая их в себя как "снятие", и дает основу для последующих видов. Сообразно целям исследования, виды интенциональности рассмотрены в определенном порядке.

1. *Интенция полагания* как исходный вид свойственна всякому живому существу, обладающему психикой хотя бы в простейшей форме. Посыл этой интенции побуждает к выявлению предметов, обладающих свойствами, предопределенными в-себе-недостаточностью живого организма. Отклик, полученный в процессе поисковой деятельности, влечет за собой фиксацию способа обнаружения потребного предмета и образование его параформы. В деятельности, реализующей интенцию полагания, выявляется качественная определенность предметов.

2. *Интенция сопоставления* возникает в ситуации, когда на один посыл получено более одного отклика. Критерием для сопоставления и выбора служит переживаемая живым существом степень снятия посыла при обращении к тому или иному предмету. В деятельности, реализующей интенцию сопоставления, выявляется количественная определенность предметов.

3. *Интенция идеализации* - это полагание еще невыявленной вещи, которая обладала бы большей ценностью в сопоставлении с являющимися предметами. Идеализированная параформа представляет

собой результат "очищения" параформ, снятых с наличных предметов, от несущественного с точки зрения посыла. Интенция идеализации побуждает живое существо к поиску предмета, соответствующего "идеалу".

4. *Интенция совершенствования предмета* порождается на основе неудовлетворенной интенции идеализации и побуждает активность, направленную на изменение наличного предмета по образцу "идеала".

5. *Интенция совершенствования своих способностей* возникает вследствие безуспешных попыток изменить предмет подобно "идеалу" и побуждает живое существо выявлять еще неиспользованную способность своего тела или усовершенствовать способ своих действий.

6. *Интенция к орудью* возникает при полной безуспешности усилий изменить предмет воздействиями своего тела. Посыл неудовлетворенности побуждает к поиску предмета (орудия), который восполнил бы недостаточность собственного тела.

7. *Интенция совершенствования орудия* обусловлена чувствованием несовершенством естественного орудия. Эта интенция влечет за собой попытки изменить форму орудия. Изменить форму орудия можно только посредством другого орудия. Изменять форму орудия посредством другого орудия способны только гоминиды - вследствие своих природных морфологических особенностей (среди которых решающую роль играют прямохождение и наличие рук).

Изготовление человеком предметов, которыми он опосредует свою деятельность, является опредмечиванием его интенций, переводом его интенциональных параформ в предметные репрезентации. В той форме, которую человек придает средству своей деятельности, он воплощает свои представления о свойствах предметов, к которым он предполагает применять изготавливаемое средство.

Овладение предметной репрезентацией влечет за собой важные для антропогенеза последствия. Средство деятельности, в котором опредмечены интенции, становится для человека как бы зеркалом, наглядно представляющим человеку репрезентативное содержание его собственных интенций, т.е. средство

деятельности обуславливает возможность рефлексивного мышления человека. Средство деятельности делает интенции индивида наглядно выраженными не только для него самого, но и для других индивидов, таким образом возникает основа для развития в дальнейшем специфически человеческих способов коммуникации. Средства деятельности становятся также средством аккумуляции и передачи практического опыта человечества. Совершенствование орудий посредством орудий, освоенное гоминидами, является рубежом, преодоление которого положило начало формированию и развитию человеческой культуры.

Вторая глава диссертации имеет название "Генезис средств выражения интенций". Вербальный человеческий язык, по мнению автора, не является ни единственным, ни изначальным знаковым средством. Интенция к выражению другим индивидам своих интенций присуща не только людям, но и многим животным. Средства, преднамеренно используемые для выражения интенций и переживания, суть *сигналы*. Использование знаков свойственно животным, у которых наблюдается взаимная произвольно согласованная активность.

До возникновения вербального языка предшественники человека пользовались множеством довербальных знаков: мимических, пантомимических, жестовых, голосовых, "инструментальных". Их существование явилось фоном и условием для процесса образования вербального языка.

Предпосылкой, при которой наряду с доязыковыми средствами коммуникации могли возникнуть языковые системы, явилось освоенное людьми изготовление и использование предметов, опосредующих их деятельность. Средство деятельности, изготовленное человеком, репрезентирует цель, для которой оно предназначено. Цель - это интенция, полагание потребного результата. Цель (назначение) средства деятельности является значением данного средства.

Наличие значения у орудия еще не достаточно основание, чтобы считать его знаком. Орудие несет в себе лишь зародки знаковости. Предметы наделяются знаковыми функциями только в процессе деятельности особого рода - коммуникации. Знак и орудие репрезентируют по-разному. Знак, в отличие от орудия,

не предназначен непосредственно для преобразования предмета, Орудие, в отличие от знака, не предназначено для предъявления индивиду своих интенций и переживания другому индивиду.

По мере становления и развития деятельности, опосредованной изготовленными вещами, у людей возникла потребность в знаках, выражающих соответствующие орудийные интенции. Наиболее подходящим средством оказываются жесты, имитирующие орудийные действия. Орудийное движение превращается в жестовый знак благодаря "очищению" его от первоначального практического содержания. Семантическим содержанием орудийного жеста является интенция выражения интенций, сопряженных с орудийной деятельностью.

В совместной деятельности людей коммуникация посредством только языка жестов оказывается недостаточной. Эта недостаточность обуславливает неизбежное сопровождение жестикulyций голосовыми знаками.

Видимо, еще до возникновения языковых систем люди имели возможность давать "имена" предметам и действиям. Исходные номинации не могли конституироваться посредством языка, потому они, по всей видимости, опирались на звукоподражание и звукоимитацию, — тем самым звуковые формы знаков "отсылали" к обозначаемому содержанию и давали возможность для интуитивного "декодирования". Доязыковые номинации не следует считать словами, знаками языковой системы; не будучи таковыми, они послужили базисом для языка. Образование и использование доязыковых "имен" в принципе доступно некоторым животным, хотя дальнейший их прогресс — к языку — невозможен.

Ограниченность арсенала знаков у животных обусловлена не недостатком природных способностей к знаковому образованию, а пределами развития их предметной деятельности. Многообразие знаков как у животных, так и у людей должно соответствовать многообразию их практики. Человеческая практика, преодолевающая природную ограниченность вида homo sapiens благодаря изготовлению орудий посредством орудий, вытягивает в сферу человеческих потребностей и интересов все новые природные силы и вещи, требуя соответствующих знаковых средств.

В совместной предметно-опосредованной деятельности людей

одного лишь названия предметов часто бывает недостаточно для согласования деятельности. Необходимость определения порядка действий, соотнесения вещей, распределения ролей обуславливает необходимость соотносить "имена"; последняя дает импульс к формированию языка как системы. Формирование языка предполагает образование "системных средств" языка, обеспечивающих соотнесение "имен". Для языка системообразующим фактором является предметно-опосредованная деятельность людей, сама имеющая системный характер. Специфику языка, отличившую его от всех прочих знаковых средств, автор усматривает в наличии у него атрибутов номинативности и системности; этими атрибутами обладают вербальные и жестовые языки.

Появление языка жестов не упраздняет языковые знаковые средства, а появление вербального языка не упраздняет довербальных коммуникативных средств. Каждый из рассмотренных типов знаковых средств имеет собственную матричную основу и может, в принципе, на ней формироваться независимо от наличия или отсутствия у людей коммуникативных средств других типов. Вряд ли жестовый язык можно считать ступенькой, предшествовавшей образованию вербального языка: языковые системы и того и другого типов, вероятно, начали формироваться синхронно. Знаковые средства различных типов используются людьми не в изоляции одно от другого, а в "смеси" — сообразно удобству их применения, т.е. сообразно принципу "знакового оппортунизма".

Большинство современных исследователей склонно отвергать конвенционалистскую трактовку происхождения языка — в виду кажущейся парадоксальности такого объяснения. По мнению автора, конвенциональный способ образования языковых знаков (наряду со звукоподражательным и звуко-символическим способами) вполне возможен, и конвенционалистское объяснение не сталкивается с парадоксами, если иметь в виду, что, во-первых, вербальный язык — не единственная предметная опора для осуществления человеческого мышления, во-вторых, наличие довербальных знаковых средств дает возможность "договариваться" о значениях вновь вводимых вербальных знаков.

Языковые знаки не являются только лишь средством для

выражения интенций, чем-то только зависимым, управляемым, - в этом отношении автор поддерживает критику "знаковой теории языка". Языковые единицы, будучи элементами языковой системы, узелками языковой сети, не поддаются произволу пользователя, оказывают обратное влияние на его интенции, артикулируют их. Соотношение между мышлением и языковыми знаками можно охарактеризовать как спекулятивное, т.е. как отношение взаимоотражения, при котором одно усматривается через другое. Знаки подобны зеркалам, которые "ответным ударом" возвращают "наблюдателю" его собственные интенции, делая их обозримыми. Благодаря языковой рефлексии человек может обнаруживать невидимость (неартикулируемость) предмета своей интенции, ее несообразность смысловой сети и формировать свои познавательные цели. Языковая коммуникация принуждает индивидов стереотипизировать свои интенции, выражаемые определенными знаками; несовпадение означаемых интенций выявляется и корректируется благодаря общественной предметно-опосредованной практике людей. Язык существенным образом определяет формирование и артикуляцию человеческой интенциональности, человеческую способность понимать, однако не является исключительной и первичной опорой для способности понимания: прежде чем человеческий индивид обретет понимание посредством языка (в горизонте языка), он должен научиться понимать самоё язык; основой понимания (обретения) языка является интенциональность, формирующаяся в предметно-опосредованной деятельности.

Публикации по теме диссертационного исследования:

Статья

1. Демидов А.Б. К тайне "жизненной силы": О статье И.И.Канаева (М.М.Бахтина) "Современный витализм" // Диалог. Карнавал. Хронотоп, 1993, № 4. - С. 92-98.

Учебные и методические пособия

2. Демидов А.Б. Методические рекомендации к изложению вопроса о взаимосвязи сознания и языка в курсе диалектического материализма. - Могилев, 1989. - 16 с.

3. Дзямідаў А.В. Свядомасць і творчасць // Філасофія. Заданні і практыкаванні. - Віцебск, 1993. - С. 104-117.

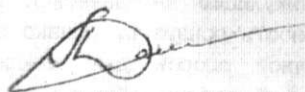
Тезісы

4. Демидов А.В. Взаимоотношения и языки наций // Актуальные проблемы совершенствования межнациональных отношений. - Могилёв, 1990. - С. 85-86.

5. Демидов А.В. Филогенез языка: от жеста к слову // Научная конференция "Философия, язык, культура". Тез. докл. В пяти частях. Ч.2. - Минск, 1992. - С. 5-7.

6. Демидов А.В. Языковые аспекты преподавания философии // Гуманитаризация высшего и среднего специального образования. - Горки, 1993.

7. Демидов А.В. Игровые структуры в учебном процессе // Гуманитаризация высшего и среднего специального образования. - Горки, 1993. (Соввт. Е.С.Друтько)

Подписано к печати 19.04.94. Заказ 28. Тираж 100 экз.
Отпечатано на роталитре Витебского пединститута,
210036, г. Витебск, Московский пр., 33.

НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
БЕЛОРУСЬ

2A,4423

B0000002497586